

УДК 355/359
ББК 63.3
Б 43

Белой, Александр Сергеевич.

Б 43 Первая схватка за Львов. Галицийское сражение 1914 года / Александр Белой. — Москва : Алгоритм, 2014. — 432 с. — (Август 1914. Все о Первой мировой).

ISBN 978-5-4438-0892-5

Русские войска вошли в австрийский Львов в августе 1914 года, меньше чем через месяц после начала Великой войны. Невероятный успех русского оружия стал возможен благодаря целому ряду факторов, которые позволили одержать победу в одном из величайших сражений Первой мировой.

Галицийская битва сегодня практически забыта, чему есть понятные причины политического характера. В ходе этого сражения Россия впервые включила в состав страны территорию Восточной Галиции, которую мы знаем сегодня как Западную Украину. Скрупулезное исследование Александра Белого буквально по часам реконструирует подробности этой операции.

Александр Сергеевич Белой (1882 — 1938) — русский и советский военачальник, военный историк, комбриг. Он принимал непосредственное участие в боях под Львовом и стал автором целого ряда работ, посвященных действиям российской армии в Первой мировой войне. А. Белой стал жертвой сталинских репрессий, а его труды оказались под запретом. Это первое переиздание книги с 1929 года.

**УДК 355/359
ББК 63.3**

ISBN 978-5-4438-0892-5

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти пятнадцать лет отделяет нас от начала мировой войны, но мы до сих пор не имели достаточно полного исследования действий русской армии в начальный период войны, представляющий особый интерес.

Предлагаемый читателям труд — Галицийская битва — дает возможность проследить развитие военных событий 1914 года на русском фронте от развертывания обоих противников до начала крушения первоначальных их планов. Галицийская битва, составляющая начальную операцию кампании 1914 года и являющаяся важным периодом мировой войны, ведется обеими армиями по навыкам и выучке мирного времени, со всеми их недостатками тактического и оперативного характера. Тем не менее, изучение этой сложной стратегической операции необходимо не только для одних военных, для которых она является источником ценных выводов по оперативному вождению миллионных армий. Остальные читатели почерпнут из изучения этой операции необходимость серьезной подготовки к войне не только на вооруженном фронте, но и на политическом и экономическом фронтах борьбы.

Труд написан, главным образом, на основании русских архивных документов штабов фронта, армий, корпусов и дивизий юго-западного фронта, а также Ставки, документов, хранящихся в военно-морской секции центрархива, ныне военно-историческом архиве, и на основании печатных трудов, вышедших как у нас, так и за границей. По состоянию архивных дел, многие события не могли быть установлены с достаточной полнотой, а печатные труды, в большинстве случаев немецких и австрийских авторов, односторонне освещают события, умаляя роль и значение русской армии.

Основным источником для исследования боевой деятельности австро-венгерской армии являлся 4-томный труд ее фактического главнокомандующего фельдмаршала Конрада — «Aus meiner Dienstzeit 1906—1918». Австрийское официальное 6-томное описание войны только в 1929 г. выходит из печати.

Автор приносит глубокую благодарность Б. И. Гореву, взявшему на себя труд составить «Краткий очерк политической обстановки и политической подготовки Польско-Галицийского театра военных действий».

При чтении надлежит руководствоваться прилагаемыми схемами или же 10-верстной русской или 5-км австрийской (1:200 000) картами. В отдельном приложении дан перечень первоисточников — архивных дел и материалов центраархива — и список печатных трудов, послуживших для составления этой книги.

*А. Белой.
Октябрь, 1928 год, г. Москва.*

ВВЕДЕНИЕ

1. Краткий очерк политического и экономического состояния России и Австро-Венгрии к началу мировой войны

Внешняя политическая обстановка

Противоречия, раздиравшие накануне мировой войны главные группировки европейского капитала, после целого ряда этапов дипломатической борьбы за экономические и торговые интересы привели к образованию двух враждебных коалиций: держав Согласия (Антанта) — с одной стороны, и Тройственного (центрального) союза — с другой.

Со стороны Антанты можно было при всех обстоятельствах рассчитывать на совместные действия только России и Франции, которые были связаны союзным договором и военной конвенцией, заключенной в 1892 году. Будет ли участвовать в вооруженном конфликте Англия, — вопрос оставался открытым. Россия не могла быть уверена по опыту прошлого в том, что Великобритания поддержит ее в случае начала войны из-за русских интересов. Так как для царской России объектом войны был Константинополь с его проливами, по которым проходил русский вывоз помещичьего хлеба на сумму до 600 милл. рублей в год, то для осуществления этой цели надо было отколоть Турцию от Германии и втянуть в войну Болгарию, которая могла выступить только ради приобретения Македонии. Но Македония уже была отдана Сербии, которая определенно примкнула к России и ею поддерживалась в неравной борьбе с Австро-Венгрией. Турция в начале войны не только предлагала России соблюдение нейтралитета, но и предоставляла в ее распоряжение турецкую армию при условии гарантии целостности ее владений [1].

Среди держав центрального союза руководящую роль играла Германия, дипломатия которой рассматривала Австро-Венгрию как свой авангард при движении в Малую Азию, и ко-

торая поэтому была заинтересована в успехах Австро-Венгрии на Балканах.

После Балканской войны 1912 года австрийских империалистов начинают тревожить успехи великосербского движения. Создание «Великой Сербии» ставило под угрозу владычество австрийцев над сербо-кroatским населением, большинство которого находилось в подданстве Габсбургской монархии. Поэтому в течение последних лет перед 1914 годом[2] бывали моменты, когда военная партия Австрии хотела провоцировать войну немедленно. Так было в 1912 году, так повторилось и в 1914 году. Румыния и Италия постепенно перешли на сторону держав Согласия.

Зато центральные державы имели основание рассчитывать на содействие Болгарии, которой была обещана Македония, а также и на выступление Турции, где германское влияние постепенно усиливалось.

Неудачная политика царской дипломатии окончательно оттолкнула эти державы от Согласия.

Итак, в результате дипломатической подготовки[3] к мировой войне положение России и Австро-Венгрии, как и других держав обеих коалиций, определялось, кроме чисто стратегических факторов, — и известными военными обязательствами по отношению к своим союзникам, и той помощью, на которую они от последних рассчитывали. При этом Австро-Венгрия и ее союзник — Германия — были окружены кольцом настоящих и будущих врагов. Они могли рассчитывать только на Турцию и Болгарию, которые последовательно к ним примкнули в 1914 и 1916 годах.

Экономическое положение России

Но, вступив на путь империалистической политики и рассчитывая добиться своих целей вооруженным столкновением, правительства держав обеих коалиций не учли ни значительной продолжительности грядущей войны, ни экономической мощи своих государств. Соображения, что предстоящая война будет кратковременной, были господствующими в военных и экономических кругах всех стран. В смысле подготовки борьбы на экономическом фронте было сделано очень мало и в России, и в Австро-Венгрии, а между тем экономическое развитие

обеих монархий стояло на низкой ступени. Предположения, что для питания войны будет достаточно мобилизационных запасов и продукции одной военной промышленности, не соответствовали действительности, так как последняя могла обеспечить не более 10—15% предстоящей потребности. Вопросы об использовании гражданской промышленности и об экономической мобилизации во всей стране также не были разработаны ни в России, ни в Австро-Венгрии.

В частности, экономическое положение России к началу мировой войны характеризуется следующими данными.

Государственные финансы, расстроенные русско-японской войной и последовавшей революцией 1905 года, хотя и улучшились, но все же нуждались в ежегодных займах во Франции в размере 400 000 000—500 000 000 франков в год[4], большая часть которых пошла на образование золотого фонда в 1 602 000 000 рублей. Проект бюджета на 1914 год предусматривал доходов 3,53 миллиарда руб. и расходов 3,55 милл. руб., из которых на армию и флот приходилось 28%. На мобилизацию было израсходовано 539,6 милл. рублей, а с начала войны до конца 1914 г. — 1 655,5 милл. рублей, или по 10 000 000 рублей в день[5].

Крупная промышленность России до 1908 года переживала застой, который после ряда повторных урожаев сменился периодом оживления, в течение которого продукция промышленности оценивалась: в 1910 году — 3,41 миллиарда рублей; в 1911 г. — 3,71 милл. руб. и в 1912 г. — 4,01 милл. рублей. Уже вскоре после начала войны, вследствие призыва рабочих в армию и увеличения потребности промышленности, начал чувствоваться недостаток рабочей силы. В октябре 1914 года из 8.550 более крупных предприятий (без Польши) с 1,6 миллиона рабочих 502 предприятия с 46.500 рабочих совершенно прекратили производство, 1.034 предприятия сократили его (319 000 рабочих, вместо 435 000) и только 125 предприятий расширили производство (88 000 вместо 105 000 рабочих).

В каменноугольной промышленности, несмотря на рост добычи угля (до 31 000 000 тонн) и ввоз его из-за границы (до 6 000 000 — 7 000 000 тонн), Россия в 1913 году испытывала угольный голод. С началом войны Домбровский бассейн был занят немцами, ввоз резко пал с 468 000 000 пудов в 1913 году

до 293 000 000 пудов в 1914 году. Добыча угля в Донецком бассейне также уменьшилась во втором полугодии 1914 года до 787 000 000 пуд., против 896 000 000 пуд. в первом полугодии, что объясняется уменьшением числа рабочих и постепенным падением добычи на 1 рабочего. А между тем потребление угля во время войны возросло в виду роста потребности жел. дор. и промышленности, работавшей на оборону. Уменьшение продукции коснулось и железодельной промышленности, где выплавка чугуна (в 1913 г. — 282 000 000 пуд., в 1914 г. — 264 000 000), производство полуфабрикатов соответственно в те же годы — 300 000 000 и 294 000 000) и готовых изделий (246 000 000 и 240 000 000) постепенно сокращались. Добыча меди, имевшая особое значение для производства снарядов, стала также сокращаться: в 1907 году добыто 13 300 тонн, в 1912 г. — 33.600 тонн, в 1914 году — 31 936 тонн. Падение добычи меди повлекло за собой ввоз ее из Америки уже в 1914 году — 13 000 тонн. Только добыча нефти непрерывно возрастала и во время войны: в 1913 г. — 522 000 000 пудов, в 1914 г. — 557 000 000 пудов. Хлопчатобумажная, кожевенная и шерстяная промышленности были достаточно развиты и могли обеспечить заказы на армию и потребности страны, но вскоре и они стали чувствовать недостаток сырья.

Внешняя торговля, имевшая в мирное время сильно активный баланс[6], в начале войны почти прекратилась. Во время войны стали ввозиться не только военное снабжение, но и машины, и даже жизненные припасы.

Состояние сельского хозяйства, переживавшего перед войной период быстрого подъема[7], вследствие колоссальных призывов в армию, которые падали главным образом на крестьянство[8] основных хлебных районов, реквизиции лошадей[9] и скота, недостатка сел.-хоз. орудий и прекращения вывоза хлеба, должно было ухудшаться и в связи с разрухой транспорта привести к продовольственному кризису[10].

В конечном результате отсутствие подготовки в мирное время к тем большим организационным и экономическим задачам, которые стояли с началом войны перед русской буржуазией и промышленностью, привело к тому, что последняя не справлялась даже с военными заказами, а на долю гражданского потребления оставалось все меньше и меньше[11].

Экономическое положение Австро-Венгрии

Экономическое положение монархии Габсбургов было более тяжелым. Аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 году и подготовка к неизбежной войне за Балканы заставляют австро-венгерских империалистов чрезмерно напрягать свои финансы и увеличивать военный бюджет. Это увеличение бюджета не соответствовало развитию производительных сил страны и повлекло за собой увеличение государственного долга. Общий бюджет с 1907 по 1913 г. увеличился в 1½ раза, дойдя до 1.665 000 000 рублей, при чем на военный бюджет приходилось до 15%. Для населения Австро-Венгрии, при его слабой платежеспособности, военный бюджет был гораздо тяжелее, чем во Франции и Германии. Наличие большого государственного долга еще более усиливало финансовые затруднения — на 1 душу населения приходилось долга в рублях: в Австро-Венгрии — 140, в России — 53½, в Германии — 151, во Франции — 316.

Тяжелому финансовому положению Австро-Венгрии вполне соответствовала и ее экономическая отсталость по сравнению с союзником — Германией — и будущими врагами. Будучи преимущественно аграрной страной (в Австрии 60% рабочих заняты в сельском хозяйстве и лесоводстве, в Венгрии — 69%), Австро-Венгрия имела довольно сильно развитую горную, машиностроительную и железоделательную промышленность, продукция которой не только удовлетворяла запросам местного рынка, но и вывозилась. Доля участия Австро-Венгрии в мировой торговле[12] определялась в 1912 году в 3,3%, Франции — 9%, Германии — 12,9%, Англии — 16,6%. Особенно остро стоял вопрос о снабжении промышленности сырьем и топливом. Австрии не хватало собственного угля. Богатые нефтяные источники находились в Галиции и были под угрозой неприятельского захвата. Главным топливом являлись леса по склонам Альп и Карпат, которые были далеко от главных промышленных центров. Земледелие и скотоводство было развито преимущественно в Венгрии, где сельское хозяйство по характеру приближалось к южно-русскому и было мало приспособлено к замене рабочих рук машинным трудом.

В общем, в хозяйственной жизни страны сильно чувствовалось отсутствие единого хозяйственного организма — Венгрия и Австрия были автономны, что еще более отразилось на экономической неподготовленности страны к предстоящей войне.

Военная промышленность России

Но если экономическое состояние обеих монархий внушало серьезные сомнения в смысле готовности к войне, то обеспеченность армий обеих стран продукцией своей военной промышленности и мобилизационными запасами вооружения, техническими средствами и боевым снабжением также была недостаточная.

Имевшихся в России 4 652 419 винтовок (из них 362 019 берданок) едва хватило для вооружения мобилизованной армии, последующие призывы ратников в октябре (300 000) и новобранцев к 1-му ноября (700 000) были уже не обеспечены винтовками. Три главнейших оружейных завода [13] имели максимальную месячную продукцию около 44 000 винтовок, что не могло покрыть потери в винтовках даже в первых операциях. Пулеметов состояло 4.985 (некомплект 883 пулемета), а в течение войны потребовалось еще около 26 000. Запас винтовочных и пулеметных патронов в 1914 году определялся в 2 446 000 000, не считая 209 000 000 бердановских патронов. Таким образом, некомплект ко времени объявления войны составлял около 300 000 000 патронов, или 11%, в то время как три патронных завода имели месячную продукцию только около 50 000 000 в месяц.

Производство артиллерийских орудий и снарядов было развито недостаточно, 4 русских пушечных завода выпустили с июля по октябрь 1914 года только 35 легких гаубиц, 14 орудий 107-мм калибра и 25 гаубиц 152-мм калибра, перенеся выполнение данного в начале войны наряда на 235 легких, 50 горных пушек и 70 легких гаубиц на первую треть 1915 года. А между тем русская артиллерия еще к началу мобилизации имела некомплект в 281 орудие полевых калибров (по штатам 8.028 орудий). Наиболее трудным являлось поставить массовое производство гаубиц: 122-мм гаубиц (по штату 516, некомплект 48 гаубиц) и 152-мм гаубиц (по штату 164, некомплект 7 гаубиц).

В отношении обеспеченности огнеприпасами также были крупные недочеты. В русской армии, — руководствуясь опытом русско-японской войны 1904 — 1905 г.г., когда было израсходовано в среднем по 720 выстрелов на каждое из бывших в Манчжурии 1276 орудий, — было решено иметь запас по 1 000 выстрелов на 76-мм орудие. При этом по 428 выстрелов вози-

лось в батареях и парковых артиллерийских бригадах, а по 572 выстрела хранилось в местных артиллерийских парках[14]. Всего был образован запас: 6 432 605 выстрелов для 76-мм пушек (имелся полностью), 91.200 выстрелов для 107-мм пушек (некомплект 68 856); 512 000 выстрелов для 122-мм гаубиц (некомплект 62 523) и 164 000 выстрелов для 152-мм гаубиц (некомплект 64 090).

Первые бои показали недостаток этих запасов. Только на юго-западный фронт в период галицийской операции, с 5-го августа по 21-е сентября, было подано 25 местных парков, т. е. всего 726 000 выстрелов, или по 350 выстрелов на 76-мм орудие. Снабжение снарядами для тяжелых калибров было настолько затруднительно, так как полевая тяжелая артиллерия имела только 50% положенных ей комплектов, что потребовался особый приказ по юго-западному фронту, ограничивающий их расход. Такой колоссальный расход огнеприпасов не мог быть обеспечен продукцией русских заводов. Уже за первые два месяца войны выявилась необходимость новых заказов на 5.268 000 76-мм и 184 тысячи 107-мм снарядов, которые 16 заводов обязались сдать в годичный срок, но не могли выполнить.

Военная промышленность Австро-Венгрии

Австро-венгерская армия испытала с началом войны винтовочный и патронный голод. Сильнейший оружейный завод Манлихера в Штейере только с затратой больших средств удалось перевести на массовое производство винтовок и этим постепенно изжить винтовочный кризис, но питание патронами[15] долгое время не могло быть доведено до установленной еще в мирное время нормы в 4 000 000 патронов ежедневно.

Существенным тормозом при производстве патронов являлся большой некомплект ружейного пороха, наличие которого в мобилизационном запасе определялось всего в 28% установленной нормы в 350 000 килограмм. Другие военно-промышленные предприятия Австро-Венгрии, как заводы Скода в Пильзене, оружейные заводы в Штейере и патронный завод в Воллесдорфе с трудом наладили и развернули только к 1915 году массовое производство вооружения.

В отношении артиллерии имелись также недостаточные мобилизационные запасы и незначительная продукция орудийных и изготавливающих огнеприпасы заводов[16]. Намеченное в начале 1914 года перевооружение полевой артиллерии

новыми гаубицами, всего в количестве 1512 гаубиц, потребовало для своего осуществления на заводах Скода около 2 лет.

Не менее остро стоял вопрос и с запасами снарядов для артиллерии. Мобилизационные запасы определялись по 550—670 выстрелов[17] на полевую пушку, по 460—577 выстрелов на 10-см полевую гаубицу и по 433—476 выстрелов на 15-см тяжелую гаубицу. Из этого количества при батареях и в войсковых парках находилось только около 490 выстрелов на пушку и около 360 выстрелов на 10-см и 15-см гаубицы, а остальные по мере снаряжения подавались на фронт ничтожными порциями. В среднем ежедневно на фронт прибывало всего по 7 000 снарядов для полевых пушек и по 1 000—1.500 снарядов для легких и тяжелых гаубиц[18]. В результате с первыми же боями в австро-венгерской армии наступил снарядный голод, который не был изжит в течение всей войны.

Таким образом, военная промышленность обеих стран с большим трудом могла развернуться для удовлетворения потребностей мобилизованных армий. А промышленность, работавшая на нужды населения, не была подготовлена для перехода к работе на армию, что еще более осложнило положение обоих противников.

Внутреннее политическое положение России и Австро-Венгрии

Но если экономическое состояние русской монархии, а в особенности Австро-Венгрии, внушало серьезные сомнения в отношении возможности выдержать длительную войну, то внутреннее политическое положение обеих империй не давало никаких оснований рассчитывать, что эти государства в состоянии выдержать тяжелые испытания на классовом и национальном фронтах войны. После революции 1905 года внутренняя политика русского правительства даже в оценке[19] бывшего члена государственного совета барона Розена определялась «узко воинствующим национализмом известных кругов русского общества и натиском беспросветной реакции».

Реакционный характер внутренней политики, шедшей с 1907 года под столыпинским лозунгом — сперва успокоение, а потом реформы, — приводит в конечном счете к тому, что «в деревне[20] растут слои, враждебные русской буржуазии и самодержавию, а в городе среди крупной буржуазии растут оппозиционные настроения».

Рабочее движение, начиная с 1911 г., а в особенности с 1912 г. (Ленский расстрел), колоссально выросло. В то время как в 1910 году было 222 забастовки с 46 000 забастовщиков, в 1911 году — уже 422 забастовки с 750 000 забастовщиков, а в 1913 году — 2142 забастовки и 861 000 забастовщиков. За 4 года количество бастовавших рабочих увеличилось в 20 раз. 1 мая 1914 года уже бастовали более миллиона рабочих. Все это указывало на непрочность положения внутри Российской империи. Даже лидер правых в государственном совете Дурново в известной записке[21], анализируя классовые группировки царской России, пришел к выводу, что «соображения внутренней политики должны удерживать Россию от решения вступить в войну, так как результатом ее может быть только торжество самых крайних течений и революция, доведенная до логического ее конца».

В Австро-Венгрии дуализм оказывал существенное влияние на внутреннее политическое положение монархии. Начиная с 1867 года, Венгрия, добившись национального объединения, стремится подавить подвластных ей румын, хорватов и словаков. Грубый и энергичный национализм венгерцев был связан с наличием социального строя, в котором первенствующее значение имели крупные помещики-землевладельцы. В Австрии, оставшейся слабейшей половиной монархии, борьба национальностей переплеталась и осложнялась классовой борьбой. Нигде в мире борьба национальностей не была так обострена и не была так связана с самым существованием австро-венгерского государства. Внутренний кризис не разрешался ни политикой централизма, ни признанием господствующей роли австрийских немцев, ни политикой компромиссов с другими национальностями[22].

Буржуазный национализм отразился и на австрийском рабочем движении. «Экономическая отсталость Австрии, — пишет Зиновьев, — преобладание мелкой буржуазии, мелкого мещанства, сравнительная слабость крупной промышленности создавали условия, благоприятствующие процветанию оппортунизма в австрийском рабочем движении». «Путь от оппортунизма к социал-шовинизму в его основных чертах пройден был в Австрии еще до войны». Вся политика официальной австрийской социал-демократии задолго до войны исходила из сохранения Габсбургской монархии.

2. Краткий очерк политической обстановки и политической подготовки Польско-Галицийского театра военных действий[23]

Как известно, русское правительство и высшие военные круги давно готовились к войне против Германии и Австро-Венгрии и давно предвидели, что одним из важнейших театров этой войны будет Галиция и пограничные с ней Польша (бывший «Привислинский край») и Украина (бывшие юго-западные губернии). Но характерной чертой этого театра являлось то, что на нем по обе стороны границы жили представители одних и тех же двух народов — поляков и украинцев (называвшихся в России «малороссами», а в Галиции — «русинами»). Это, конечно, вносило большое осложнение в общую политическую обстановку будущего театра и в его соответственную «обработку».

Русская Польша находилась на положении почти оккупированного государства, и население ее относилось в общем крайне враждебно к России, особенно к русскому правительству и той массе военных и чиновников, которые наводняли Польшу и составляли в ней привилегированную касту. Но в этом общем враждебном отношении можно было различить целый ряд весьма существенных оттенков. Наиболее примирительную и оппортунистическую позицию занимала буржуазия, главным образом, еврейская, а затем и польская, которая была теснейшим образом связана с русским рынком и готова была, чтобы не потерять этого рынка, помириться на весьма скромной областной автономии. Наоборот, самую враждебную и непримиримую позицию в национальном вопросе занимала резко националистически настроенная мелкобуржуазная и мелко-помещичья польская интеллигенция, увлекшая за собою и часть рабочих и поставлявшая главные кадры для так называемой «правицы» (т.е. правого крыла) ППС («Польской социалистической партии»). Эта интеллигенция, выдвинувшая таких вождей, как Пилсудский, всегда мечтала о независимом польском государстве, в котором, как ей казалось, она будет призвана играть руководящую роль, при чем образование независимой Польши ставила в связь с грядущей войной и военным разгромом России. Наиболее сознательная в классовом отношении часть пролетариата, входившая в польскую с.-д. партию, стояла на интер-

националистической позиции и борьбу с царизмом вела рука об руку с революционной частью российской социал-демократии (большевиками).

В украинской части русской Польши («Холмщина») православное духовенство и русские националисты вели, при поддержке русского правительства, агрессивную и вызывающую политику по отношению к польскому населению и католической церкви.

По другую сторону границы, в Галиции, национально-классовые отношения сложились исторически совершенно иначе. Поляки пользовались там большой автономией, имели свой сейм, и господствующие классы Галиции, наряду с господствующими классами австрийских немцев и венгров, составляли одну из опор династии Габсбургов[24]. Националистической и австро-фильской была и ориентация польско-галицийской интеллигенции, левое крыло которой, галицийские с.-д., с их вождем Дашинским (нынешний председатель польского сейма), имело значительное влияние на польских (а отчасти и украинских) рабочих и крестьян Галиции и находилось в близком идейном родстве с «правицей» ППС.

Масса украинского населения Галиции, несмотря на формальное равноправие, в значительной мере угнеталась правительством и господствующими классами Галиции, особенно в области политической и культурной. Но в то время, как часть украинского пролетариата и крестьянства примыкала к галицийской с.-д. партии, а большинство во главе с мелко-буржуазной интеллигенцией сочувствовало националистическим украинским организациям, мечтавшим (вместе с украинскими националистами в России) о независимой или автономной Украине, небольшая часть реакционной интеллигенции и мещанства во главе с православным духовенством тяготела к царской России и давно была объектом национально-политической пропаганды со стороны русских реакционных и великодержавных «панславистов». Наконец, еврейская буржуазия и мелкая буржуазия Галиции, пользовавшаяся (правда, в значительной мере, лишь юридически) всеми гражданскими правами, конечно, была настроена вполне лояльно по отношению к австрийской монархии и у бесправного еврейского мещанства русской Польши могла вызывать лишь чувство зависти.

В такой сложной социально-политической и национальной обстановке элемент политического разложения противника и политического обеспечения собственного тыла, элемент пропаганды приобретал значение важного военного фактора, без которого картина войны на Галицийском фронте была бы неполна.

И, действительно, мы видим, что последние годы перед мировой войной обе стороны начинают вести серьезную политическую подготовку ее. Оставаясь только в сфере данного, т. е. русско-австрийского театра будущей войны, можно указать на следующие наиболее выдающиеся моменты этой подготовки. С одной стороны, лидер русских националистов в 4-й государственной думе граф Бобринский, тот самый, который потом был назначен генерал-губернатором оккупированной русскими Галиции, возглавляет шумную и откровенную национально-политическую и церковную пропаганду в «Червонной» и «Прикарпатской Руси», во время которой, конечно, нащупывается почва и завязываются определенные деловые связи для будущей войны, с другой стороны, в эта же время на территории Галиции, при молчаливом попустительстве и даже негласном содействии местных властей, российский подданный, бывший организатор и глава боевой организации националистической ППС и нынешний диктатор Польши, собирает, организует, вооружает и обучает боевые дружины, зародыш будущего польского легиона, в которых участвуют и политические эмигранты из царской Польши.

Наконец, в первые же дни войны русский верховный главнокомандующий, как бы от своего имени, не связывая официально правительства, но, конечно, с его согласия и одобрения, выпускает знаменитый «манифест» к полякам, в котором торжественным и высокопарным стилем возвещает наступление «часа воскрешения польского народа и братского примирения его с великой Россией». — «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ». Пусть «под скипетром русского царя» «возродится Польша, свободная в своей вере, языке и самоуправлении».

В подчеркнутых словах давалось неопределенное обещание автономии, в котором таился вполне определенный политический расчет — опереться на примиренчески настроенную польскую буржуазию и часть помещиков (выразителем этого блока была партия «народовых (национальных) демокра-